

Игорь Леонтьев

НУЛЕВАЯ ФАЗА СНА

18+

Игорь Леонтьев

Нулевая фаза сна

«Автор»

2026

Леонтьев И. В.

Нулевая фаза сна / И. В. Леонтьев — «Автор», 2026

Корпорация N-corp подарила миру вакцину от сна. Восемь лишних часов в сутках. Время работать, творить, развлекаться. Большинство с радостью сделали инъекцию и стали «пробуждёнными». Те, кто отказался — «спящие» — превратились в изгоев. Майк Риттер, глава PR-отдела N-corp, один из первых прошёл процедуру. Он должен чувствовать себя сверхчеловеком. Но вместо эйфории его накрывает ледяной ужас: что-то пошло не так. Теперь он вынужден скрывать правду, которая может стоить ему всего. Пока общество без сна стремительно катится в пропасть — цензура, охота на «спящих», тотальная слежка, — Майк пытается остаться собой. Но чем глубже он копает, тем яснее понимает: за вакциной стоит кто-то, кто не играет по правилам. «Утратив возможность видеть сны, мы разучились мечтать». Научно-фантастический триллер о времени, свободе и цене прогресса.

© Леонтьев И. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	21
Г	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Игорь Леонтьев

Нулевая фаза сна

Глава 1

Если бы сутки длились 25 часов, куда бы вы потратили лишние 60 минут? Казалось бы, это всего лишь час — время обеденного перерыва, тренировки в спортзале или две серии любимого ситкома. Но я уверен, большинство из вас оставили бы это время на сон. Отложить будильник, я думаю, будет чем-то схожим с последним ужином заключённого, приговорённого к смертной казни — точка невозврата преодолена, но всё ещё можно как-то скрасить ожидание. Смотря под таким углом, ваш выбор остаётся прежним? А что, если начать задавать правильные вопросы?

Наши учёные из N-corp нашли решение этой проблемы — проблемы со временем. И пока вы задавались вопросом, как поднять свою продуктивность и найти время на качественное восстановление, прибегая к новым технологиям конкурентов, позволяющим рассчитать индивидуальную фазу сна и подобрать хороший ортопедический матрас, наши учёные оказались на несколько шагов впереди. Мы не стали вести переговоры, мы решили искоренить очаг воспаления, тем самым не сэкономив лишний час в сутках, а даря дополнительные восемь часов, которые не нужно тратить на сон! Используйте их на развлечения, на отдых, на семью или на образование. Мы, компания N-corp, предлагаем вам возможность сделать шаг в будущее, где человечество не нуждается во сне. Для записи на первую инъекцию требуется ознакомиться с пользовательским соглашением и пройти бесплатную консультацию. М. Риттер.

Глава PR-отдела N-corp, и по совместительству мелкий жулик, наживающийся на порядочных гражданах нашей необъятной страны. Оправдываться не буду, как и говорить, что я никого не заставлял покупать рекламируемую мною продукцию, но я не могу отрицать тот факт, что я в этом чертовски хорош. На собеседовании, продав ручку генеральному директору за пятнадцать секунд, я зарекомендовал себя как широко мыслящего молодого человека с креативным складом ума. Как такового подъёма по карьерной лестнице у меня не было — просто мои идеи были лучше, чем у других, и к тридцати годам я стал главой PR-отдела. Так что делай свою работу хорошо, пока не станешь в ней лучшим. Вот и весь секрет. А вот моя личная жизнь остаётся загадкой и для меня самого. Женат я не был, но и одиноким волком меня вряд ли назовёшь. Корпоративные вечеринки помогали переключиться, хотя и здесь я везде видел продавцов услуг и бизнес-идей. У торговли лицом ненормированный рабочий день. И все эти молодые дамочки с натянутой улыбкой позируют для соцсетей, получая охваты, а с ними и рекламодателей.

После популяризации инъекции от сна контента на всех площадках стало в три раза больше, как и конкуренции. Можно смело сказать, что жизнь изменилась на «до» и «после», на «пробужденных» и «спящих». С первыми всё понятно: больше 80% планеты присоединились к новому научному проекту, временами подкалывая дозу препарата. Хотя учёными доказано, что достаточно первых трёх инъекций для полного отключения циркадного участка мозга, но есть и те, кто получает эйфорию от процесса введения или просто демонстрирует свой статус, своё преимущество перед остальными, ежемесячно повторяя процедуру. Хотя быть «пробуждённым» — уже норма, никого этим не удивишь, а вот люди, которые предпочли оставаться «спящими», выставлены на посмешище. Но не все из них остались такими по своей воле. Причин на самом деле немало — от абсурдных до вполне себе адекватных. Например, многие просто не знают, как правильно заполнить пользовательское соглашение, или боятся самой про-

цедуры. Кто-то по религиозным соображениям не может так изменить свою жизнь и думает, что это всё дьявольский замысел. Есть и протестующие, которые не понимают, как можно вкалывать 24 часа в сутки без выходных, пусть даже и получая какие-то баснословные деньги. Все они отстаивают свои права, но толку от этого не больше, чем от старушки с одиночным пикетом, которая жалуется на отсутствие тишины. «Раньше было лучше» — надпись на плакате едва держится в треснувших от мороза бабушкиных руках. «Спящих» уже не считают полноценной ячейкой общества, к ним относятся как к людям, преступившим закон, и презируют за то, что не решились изменить свою жизнь. Если говорить с точки зрения главы PR-отдела N-согр, то я всецело осуждаю и не поддерживаю «спящих», но, говоря между нами, — мне всё равно. Человек остаётся человеком до тех пор, пока в нём есть сомнения. Конечно, любой предпочтёт нанять себе «пробуждённого» сотрудника. Исключения бывают только в сфере эскорта, и то — для особо извращённых, которые и до всего этого были не прочь поиметь маргиналку, чтобы почувствовать себя грязным.

Были и те, кто не мог позволить себе инъекцию, и просто притворялись вакцинированными. А на кого-то препарат не оказал нужного эффекта, как бывали и случаи с летальным исходом. Но это скорее не ошибка в формуле, а отклонения генетических особенностей пациента. Эти случаи были единичны и не предавались огласке. Впрочем, неудивительно: такая огромная корпорация предпочтёт возместить ущерб и избежать репутационных рисков. Откупиться. Когда речь идёт о научном прорыве, затрагивающем все слои населения, незаинтересованных не остаётся. Яркие слоганы с рекламных щитов, телешоу со знаменитостями, которые рассуждают, как сильно жизнь без сна изменит этот мир. Всё это стало частью реальности, в которой мы кардинально изменимся!

Мы запустили этот механизм, где каждый винтик важен и каждый винтик работает на износ, принося огромные деньги компании. Почувыв запах успеха, уже не сможешь опускать планку, и придётся закрывать глаза на новые исследования, побочные эффекты и возможные риски — лишь бы эта финансовая корова не переставала давать молоко. Таким образом, инъекция, которая создавалась для космонавтов, врачей, работающих в экстремальных условиях, и военных, ушла в массы, и любой желающий мог примерить на себя костюм супергероя, а потом и вовсе это стало обыденным делом. Спали только немощные и младенцы, а начиная с семи лет ребёнок уже мог присоединиться к проекту «Пробуждение». Именно под таким названием торговая марка зарегистрировала свою инновационную технологию.

Глава 2

Я был в числе первых, кто получил инъекцию, и хорошо запомнил тот день. После успешных испытаний группа медиков прибыла в наш офис с отчётом. В течение месяца они оказывали первую помощь пострадавшим в зоне боевых действий. По счастливой случайности мне удалось узнать некоторые детали. В отчётах упоминалось о полном отсутствии снижения концентрации при длительной работе. Весь фокус был направлен на качественное и быстрое выполнение задач. Также отмечалось, что никто из исследуемых не хотел прекратить эксперимент и по-настоящему гордился своим вкладом в работу. Дальнейшее обследование в госпитале не выявило психологических проблем. После полевых испытаний были выявлены лишь незначительные растяжения связок лучезапястных и плечевых суставов в силу специфики работы. Каких-либо побочных эффектов не было обнаружено, и я только больше возжелал присоединиться к программе «Пробуждение».

И вот он — день «икс». Выслушав все рекомендации доктора, я вошёл в процедурный кабинет. Не было ни сомнений, ни страха: передо мной стояла лишь одна формальность в виде бланка, где не хватало моей подписи. Я взял шариковую ручку, черкнул на белой бумаге свою каракулю и был уже на финишной прямой. Сама процедура не самая приятная: фиксируется голова в какой-то непонятной конструкции и вводится игла в область шеи. Меня словно током шандарахнуло, в глазах потемнело, и по голове прошли мурашки. На долю секунды — не больше, чем мигание лампы дневного света — мне показалось, что в мою голову кто-то заглянул. Не медицинский прибор, не врач, а что-то постороннее, холодное и безмерно терпеливое. Оно будто сканировало меня, оценивало, запоминало. А потом исчезло, оставив после себя лишь лёгкое жужжание в зубах.

— Всё готово, — сказал доктор, расстёгивая фиксирующий ремешок.

Мне показалось странным, почему он даже не поинтересовался моим самочувствием, а лишь подозвал пальцем следующего пациента.

Спустя пару дней без сна я чувствовал себя воодушевлённым и чересчур позитивным. Словно получив чит-код в компьютерной игре, я хотел всё и сразу.

— Сегодня закажем пиццу, — говорил я своей подруге, параллельно клацая по клавиатуре ноутбука, обсуждая условия для рекламной интеграции. Я поймал себя на мысли, что теперь, находясь дома, с голым торсом и стаканом виски в руке, я могу выполнять часть работы, которую не хотелось выполнять в офисе.

— Пепперони или гавайскую? А я бы взяла себе с морепродуктами.

— Фу, опять всё провоняет этими морскими гадами. Ну ладно, возьми тогда мне пепперони, и пусть ещё пармезана добавят, — говорю я, глядя в её большие карие глаза.

Пусть она младше меня лет на семь, но нам всегда есть о чём поговорить. Сказать, в каких отношениях мы с Кэт находимся, я затрудняюсь. Мы занимались в одном спортзале, и время от времени наши взгляды встречались. Как-то она попросила подстраховать её, и у нас завязался дружеский диалог. Позже мы решили выпить кофе и пообщаться в другой обстановке, где мыслительные процессы не будут отвлекаться на подкачанные ягодички в обтягивающих лосинах и влажные от пота тела. Но все наши попытки оттянуть этот переломный момент были провалены, и, к удивлению обоих, после секса мы не потеряли этот дружеский вайб. Мы были полны забот, и как-то всё усложнять не хотелось: было достаточно того, что мы хорошо проводили время вместе. Мне нравилось лежать у неё на животе, чувствовать, как она запускает свои тонкие пальцы мне в волосы, будто так она расчёсывает мысли в моей голове, и становилось спокойно.

— Расскажи, каково это — совсем не спать? Я надеюсь, в следующем месяце получить первую инъекцию, и мне вот интересно, — внезапно прервала она тишину.

— На самом деле, я этого даже не замечаю, как будто никогда и не спал. Думаю, дело в том, что мы привыкли ложиться спать, когда чувствуем усталость, а сейчас этого нет.

— Не понимаю, как это? Совсем, что ли, не устаёшь? Да ну, как же! Только сегодня утром видела, как ты в поте лица бегал на дорожке. Хочешь сказать, что совсем не устал?

— Да, это совсем другое. Устал, конечно, физически, но потребности закрывать глаза для разгрузки нет. Не знаю, как это работает, но препарат блокирует участок мозга, из-за чего организм восстанавливается без сна. То есть я могу подремать, но смысла в этом особого нет. Разве что увлажнить глаза, если под рукой нет капель.

— Кстати, я слышала, что врачи рекомендуют их использовать. Мне кажется, я долго не смогу привыкнуть: ведь будет столько свободного времени, и по ночам буду ложиться в постель, не зная, чем себя занять, — говорила Кэт.

— Я всегда рад тебе, приходи и ложись в мою постель, найдём чем заняться, — сказал я и улыбнулся.

Она посмеялась, но сделала вид, что ей это не понравилось.

— Ага, сейчас! Я и сегодня оставаться не буду, только пиццу дождусь и уеду, — сказала она и тут же, взяв меня за руку, подтянула к себе и поцеловала в щёку.

— Не налегай так на виски, мы ещё хотели посмотреть кино, а ты уже с красной мордой сидишь, — прошипела она. Взяв мой стакан, она запрокинула голову и залпом выпила содержимое.

— А я, пожалуй, выпью ещё, — сказала она и направилась на кухню.

Я что-то буркнул ей вслед, но она не услышала. Из JBL-колонки на кухне вовсю играла её любимая шугейз-группа, и Кэт, пританцовывая, открывала новую бутылку.

Всё-таки она осталась на ночь, и не зря. Сегодня Кэт показала свои навыки родео и, в кои-то веки, дала мне просто полежать и расслабиться. Я, как истинный джентльмен, выдал ей полотенце и шлёпнул по заднице. После того как она вышла из душа, стала какой-то приятной, более мягкой и открытой. Возможно, всё дело в том, что сегодня удалось снять напряжение, и в своей благодарности она проявляет эту самую настоящую женскую нежность. Положив голову мне на грудь, она смотрела кино. Я тоже его смотрел, но сквозь стакан. Изрядно выпивши, я уже терял суть сюжетной линии и просто нежился у тёплого обнажённого тела Кэт.

— Ты чего храпишь? Как вообще это возможно? Ты же не спишь! — сказала она, толкнув меня в живот.

— Чего? — выдавил я из себя какой-то заржавевший хрип.

— Так напился, что отрубился! Ну ничего себе, ха-ха-ха! — она случайно хрюкнула, когда смеялась.

— Ничего я не храплю, просто голосовые связки надо смазать, хотя уже, похоже, до смазывался, — ответил я с ухмылкой на лице.

Интересно, как отреагирует вакцинированный организм на большое количество выпивки, так сказать, до «состояния не стояния»? Буду ли я видеть сны? Пожалуй, спрошу у доктора, когда буду последнюю инъекцию делать.

— О чём задумался? — спросила она.

— Да вот, думаю, как мне с тобой повезло! Ты ведь сварганишь нам завтрак, красotka? Я ужасно проголодался.

— Ладно, подлиза. Сейчас посмотрим, что у тебя осталось в холодильнике. Сегодня в 10:00 рабочая встреча, помнишь?

— Помню, — говорю я, а сам тянусь за телефоном посмотреть расписание. Так-так, ага, вижу. Надо бы уже потихоньку собираться. Если мне не нужен сон, это ещё не значит, что и горячий душ тоже.

Глава 3

Ровно за семь дней я сделал три инъекции, хотя обычно делают одну в неделю. Так как желающих много, при таком графике не собирается целая очередь. Но я решил воспользоваться положением: для сотрудников нет фиксированных по датам приёмов, и можно в рабочее время спуститься на лифте в процедурный кабинет.

Доктор ответил на мой вопрос о чрезмерном употреблении алкоголя и его последствиях. Если вкратце, то лучше много не пить, но такие рекомендации может дать любой специалист. Однако он подкрепил это одним интересным фактом. Алкоголь одинаково влияет на «спящих» и неспящих людей, но «пробуждённым» может казаться, что они спят. У некоторых может начаться паническая атака, ведь снов они не видят, а только так называемый чёрный экран. Так что лучше выпивать в компании, чтобы кто-то мог привести в чувство, а вообще лучше не напиваться до такого состояния. Я прислушался к совету и решил сегодня не пить совсем. Сегодня важный день: у N-corp появился новый инвестор, и мы представим его общественности.

За эту неделю я будто расцвёл: свежие идеи и бешеная продуктивность. Но вдруг меня начали посещать такие мысли: «А что, если эту вакцину использовать как преимущество и оставить её лишь для определённого круга людей, а не всем подряд?» Да, в голове это звучало менее эгоистично, но если поразмыслить, то зачем такой мощный инструмент отдавать в массы? Я бы распределил ресурсы правильно, если бы только мог. Мною овладела жадность, я даже начал беспокоиться, что если буду прилагать не все свои усилия, то меня может кто-то вытеснить с должности. Я сидел и размышлял, как же я могу вставить палки в колёса этой машине прогресса, но так ни к какому разумному умозаключению не пришёл. Жизнь уже не будет прежней, не нужно быть учёным, чтобы это понимать. Достаточно уделять несколько часов в день на изучение материалов о проекте «Пробуждение», и, возможно, получится спрогнозировать ближайшее будущее. Я потихоньку начал сходить с ума, чувствовать паранойю. Оставаясь на работе сверхурочно, я ощущал на себе осуждающие взгляды коллег. Казалось, они тоже остаются допоздна, чтобы изучать информацию об исследованиях, и я время от времени проходил мимо них, поглядывая в монитор. Затем приходило облегчение: ведь доступа ко всей информации у них нет, а лишь та, что необходима для выполнения должностных обязанностей. Чувствовалось некое изменение в поведении сотрудников: они были более сконцентрированы. И вообще, меня это должно было радовать, но я всё ждал какого-то подвоха. До планерки оставалось ещё около часа, и я решил найти информацию о том, с чего начались исследования и откуда идут корни этой бессонной вакцины.

В отчётах фигурировало несколько имён, но моё внимание привлёк Пауль Керн — венгерский солдат, полностью переставший спать после ранения в голову, лишившись части лобной доли головного мозга. В документе указано, что это уникальный случай: обычно при таких травмах умирают, но в этот раз пуля в голове не только не лишила жизни, но и дала почву для размышлений учёным. В отчёте говорится, что он прожил сорок лет без сна, усталости и боли. Он утверждал, что чувствует себя отлично и более осознанно.

Мне пришлось прерваться от изучения материалов, так как в кабинет вошёл мой ассистент и сообщил, что нас уже ждут в конференц-зале.

Перед тем как представить нового крупного инвестора, выступит генеральный директор с важной информацией. Я уже догадывался, о чём пойдёт речь: наш препарат выходит на мировой рынок, а значит, планируется расширение штата. Но это малая часть того, что ждёт компанию, я бы даже сказал — незначительное изменение по сравнению с новыми правилами.

Теперь каждый сотрудник N-corp обязан быть «пробуждённым» независимо от должности, ведь объёмы работ увеличены вдвое, а в некоторых отделах — втрое. Это касается не

только сотрудников отделов, но и обслуживающего персонала. Было принято решение не нанимать новых уборщиков, а увеличить оплату за сверхурочную работу, тем самым дав возможность хорошо подзаработать на этом месте и вложиться в акции компании, получая ещё и пассивный доход. Большинство работников были заинтересованы, ведь они смогут найти для себя в будущем должность попривлекательнее. И появятся вакантные места для новых сотрудников, которые со временем пройдут такой же путь.

Проект «Пробуждение» направлен на раскрытие дремлющего потенциала всех слоёв общества. Чем больше появится образованных людей, тем шире будет открыто миру наше научное достижение. Ответственности стало больше, и требований в целом, но и оплата труда стала куда более достойной.

Была лишь одна сотрудница, которая отказалась от новых условий, и ей пришлось уволиться. Она никак не могла перебороть свой страх уколов или просто смириться с фактом, что ей придётся прогнуться перед работодателем, чтобы оставаться в обойме. О дальнейшей её судьбе мало известно, разве что прошёл по отделу слухок, что она стала затворницей, распространившей в интернете теории о печальном будущем человечества, которое приняло решение стать бездушной машиной прогресса. Из любопытства я нашёл её профиль в социальной сети. Просмотрев его полностью, я увидел фотографию пожилого мужчины в берушах, сидящего в парке и смотрящего в пустоту. «Ведь по-другому уже не насладиться тишиной и не увидеть, как выключаются все эти сверкающие вывески на торговых центрах», — такие мысли приходят в голову, глядя на это изображение. А ниже подпись: «Утратив возможность видеть сны, мы разучились мечтать».

Глава 4

Чтобы немного приоткрыть завесу тайны создания вакцины от сна, было принято решение написать статью для главного новостного журнала. Я посчитал это отличным поводом завести знакомство с нашим ведущим нейробиологом и узнать всю кухню изнутри. На это ушло около месяца, но каждая потраченная минута стала золотой жилой для решения одной непростой ситуации, сложившейся со мной три недели назад. Но сейчас не об этом.

Прежде всего, хотел сказать, что профессор Кан оказался мне весьма по душе, несмотря на огромную пропасть между нами в знаниях о нейробиологии и науке в целом. Такой житейский мужичок с пышными усами, полностью закрывающими верхнюю губу, но стоило ему начать говорить об исследованиях, тут же перевоплощался в ходячую «Энциклопедию». Профессор Кан виртуозно использовал сложные формулировки в своём рассказе, но, быстро сообразив, для кого пишется эта статья, стал изъясняться более доступным языком. «Транскрипция для обычных людишек», — я бы назвал это так.

Большую часть наших встреч ему было удобно проводить в кафе рядом с офисом, но пару раз мне удалось напроситься в лабораторию, где я мог узнать больше информации, не предназначенной для статьи, а скорее для личного интереса. Объяснив своё любопытство к исследованиям необходимыми мерами безопасности на случай, если кто-то в интернете начнёт жаловаться на побочные явления препарата, я мог бы умело парировать атаки. Репутация N-corp в какой-то степени лежит на плечах PR-отдела: именно мы отвечаем за связи с общественностью и балансируем на доверии с целевой аудиторией.

— Тогда скажу тебе кое-что важное, но не для статьи. Раз ты хочешь быть готовым ко всему, что могут написать в интернете об этой вакцине, — сказал Кан.

— Да, профессор, слушаю, — ответил я в предвкушении чего-то грандиозного.

— Сама идея создать препарат, способный вычеркнуть из нашей жизни сон, пришла не из нашего отдела. В сети я обнаружил незавершённое научное исследование, но расчёты были настолько точны, что на их проверку ушли бы годы. Это было что-то похожее на инструкцию к применению, но кто-то явно не успел довести проект до ума. Возможно, ему просто не хватило времени. Научное достижение, которое N-corp присваивает себе, на самом деле создавалось десятки, а то и сотни лет. Мы лишь смогли подобрать нужную формулу и провести некоторые тесты. Руководство компании, глядя на результаты, сразу же решило выпустить вакцину в массы. Я могу лишь предполагать, что кто-то из верхушки ранее был знаком с исходным файлом этого исследования и поверил в их точность, поставив на кон репутацию компании. Такой почерк я уже встречал в файлах нашей лаборатории, но он использовался лишь для расчётов данных. Так что если кто-то в сети будет присваивать себе разработку формулы препарата, имей в виду: в этом может быть доля правды, — закончил свою речь профессор.

Такая информация была бы полезнее для жёлтой прессы, а для меня особой пользы не несла. Мне всё равно, кто и как запустил этот процесс, но я почувствовал свою причастность к близкому кругу доверия Кана.

— Спасибо, что поделились со мной этой информацией. Я думаю, статья получится неплохой, по крайней мере, она вызовет интерес у читателей. Ведь задавая все эти вопросы, я узнал столько нового. Хотелось бы понять ещё один момент для вступления: «Вы с самого детства видели себя учёным? Или это пришло в более осознанном возрасте?» — спросил я.

— В студенческие годы я больше любил философию, чем нейробиологию. И лишь мои успехи в биологических проектах проложили мне путь к науке. Сам я ничего не выбирал, так сложилась судьба. Но зато я теперь способен понимать, что правильные вопросы важнее правильных ответов, — сказал Кан.

Моя статья в новостном журнале произвела фурор, и сам Кан остался доволен, ему понравилась обратная связь. Несмотря на то, что он женат и у него двое сыновей, женского внимания он смущался, и было видно, с каким трепетом он слушал комплименты о своей работе. Кан поделился со мной, что ему нравилась сама мысль о возможных интрижках, рассматривая это как запретный плод, то и дело прокручивая в голове разные сценарии. Просидев столько лет в четырёх стенах, ему было непривычно вылезти из тени лабораторных кабинетов на свет и немного понежиться в лучах славы. Он даже как-то сблизился со мной, и временами мы ходили вместе на обед.

В каком-то смысле я использовал его в своих целях, как и он меня. Я получал ответы на нужные мне вопросы, а он нашёл во мне проводника во внешний мир; я помог ему завести социальные сети, где он начал постить забавные фотографии и писать свои остроумные комментарии. Жена его совершенно не ревновала, а наоборот, гордилась тем, что им интересуются другие женщины. Она отлично понимала Кана, что дальше «грязных мыслишек» он никуда не зайдёт, а лишь наоборот, принесёт свежей страсти в их брак.

Как-то профессор встретил меня с Кэт, мы тогда только выходили после тренировки из спортзала. Кан представил меня своей супруге и, недолго думая, предложил нам сходить вчетвером в ресторан. Я понимал, что это не самое удачное предложение, учитывая то, что мы с Кэт не претендовали на пару с каким-то ясным будущим. Но отказываться было неудобно, да и когда ещё найдётся повод сходить в ресторан такой компанией. Тем более несколько недель назад мы с Кэт немного повздорили, и после этого толком-то и не разговаривали. Разве что при случайной встрече или на тренировке. Да и она сейчас только привыкает к новому ритму жизни после первой инъекции.

— Ты ведь не против сходить с этой милой парой в рестик? — спросил я Кэт, когда мы отошли от профессора с его супругой.

— Я только за, уже не помню, когда последний раз ужинала вне дома.

— А как же твоя встреча со старым приятелем? Я тогда ещё позвонил тебе, хотел встретиться, а ты сказала, что сегодня не получается.

— Ах, да! Я помню этот разговор на повышенных тонах, а потом твоё холодное «Пока», — говоря эти слова, она скорчила неодобрительную гримасу.

— Ну уж прости, мне тогда действительно нужна была твоя помощь, или, вернее сказать, та версия Кэт, которая может выслушать, дать совет и распутать мои тревожные мысли.

— Майк, если тебе станет легче, я расскажу, как прошла эта встреча. Хочешь? — спросила она, и тут же повисла неловкая пауза.

Она очень редко называет меня по имени, и это меня как-то насторожило в моменте. Я просто пожал плечами и сказал:

— Только если сама хочешь. Я хоть и не прочь иногда сунуть нос куда не следует, но твои личные границы я уважаю.

Мы уже шли вдоль набережной. Рядом стоял фургончик с хот-догами. Я знал, что Кэт после кардиотренировок всегда хочет чего-нибудь перекусить, и попросил её подождать минутку, а сам направился сделать заказ. Сунув ей в одну руку хот-дог, а в другую — стаканчик с кофе, я увидел, как она тут же изменилась в лице. Она начала свой рассказ, похрустывая маринованным огурчиком на зубах.

— Это мой старый знакомый. Когда-то давно мы жили в соседних домах, и наши родители неплохо ладили. Он рано женился, погряз в семейных делах, и мы как-то сами собой перестали общаться. И вот спустя три года он пишет мне, что хочет увидеться в каком-нибудь кафе или ресторане. Я без задней мысли согласилась, ведь мне интересно узнать, как он сейчас поживает. Он забронировал столик в кафе и сидел ждал, а я, как обычно, опаздывала. Потом позвонил ты, и мне было некогда с тобой разговаривать. Тут же пришло сообщение: «Вас ожидает водитель такси». И так вот всё сумбурно вышло: скомкано, неудобно и не вовремя. После

он полвечера плакался, что развёлся с женой, а потом начал вспоминать, как мы раньше дружили. И тут я, поняв, к чему он ведёт, захотела уйти из кафе. Но он был особенно настырным — раньше я такого за ним не замечала. Строил из себя какого-то альфа-самца, но я-то знаю, что у него молочная пипись ещё не выпала. Всё уговаривал поехать к нему, даже попытался поцеловать меня, когда я не давала ни малейшего повода для этого. Он надеялся, что ему что-то перепадёт со старой подругой, если он начнёт притворяться успешным и влиятельным, приправляя всё это слащавой внешностью. Возможно, это сработает с какой-нибудь дурочкой, но явно не со мной. Я встала из-за стола и сказала, что мне нужно в дамскую комнату, и тут же ускользнула из заведения. Поймала такси и уехала домой, — закончила свой рассказ Кэт.

Я, конечно, понимал, что она имела полное право идти с кем хочет и когда хочет. Ведь у нас что-то вроде свободных отношений, но лично у меня не возникает желания искать что-то ещё на стороне. Я просто не выставляю какие-то рамки, так удобнее. Ничего не обещаю и не навязываю, а просто наслаждаюсь моментом и всегда стараюсь быть честным перед Кэт. Но её не было рядом, когда я очень нуждался в ней. В тот момент я почувствовал себя никому не нужным и жалким. Друзья познаются в беде, но мы так боимся просить помощи и иной раз предпочитаем промолчать. Наверное, на эмоциях сложилось ложное впечатление о Кэт, и я немного отдалился. Но сейчас было всё по-прежнему. Некоторая неловкость в общении всё же присутствовала, но это никак не мешало.

Я хотел было рассказать ей всё сейчас, зачем звонил в тот вечер, но что-то сдерживало меня. И сейчас, находясь перед ней, непроизвольно я начал прокручивать в голове события того вечера: как шёл домой и ощущал какое-то напряжение в воздухе, как взял минералки вместо любимого вина, как, поднимаясь на лифте, тревожно мерцала лампа, как, зайдя за порог, не ощущал себя как дома. Решив, что пора бы расслабиться, я набрал горячую ванну и лежал, прокручивая в руке стакан с минеральной водой. Всмотривался в пузырьки, которые поднимались вверх, и я потихоньку растворялся вместе с ними в пространстве. Пару минут спустя я почувствовал сильную вибрацию, за которой последовал звук осыпающейся краски. Чугунная конструкция дала трещину и тут же провалилась вниз. Я попытался ухватиться за край ванны, но мои пальцы безуспешно скользили по гладкой поверхности. Будто приняв неизбежное, замер в ожидании удара, но, вздрогнув от собственного крика, я проснулся. Конечно, в тот момент у меня было много вопросов, и я пытался найти оправдания происходящему. Но не было и тени сомнений в том, что это был сон.

Да-да, я уснул, пусть и не самым удачным образом. Ещё студентом я точно так же валился с ног после пар, и тогда я вновь ощутил это давно забытое чувство. Когда только закрываешь глаза и тут же мягко проваливаешься в сон. А ведь до того, как я занял пост главы PR-отдела, я вкалывал как проклятый, и только потом узнал лучшую жизнь.

— Майк, ты здесь вообще? — сказала Кэт, одёрнув меня за плечо.

— Да-да, прости, — ответил я, и мы дальше пошли вдоль набережной.

Мне так хотелось поделиться с ней своим секретом. Держать в себе это было невыносимо, но что я скажу? «Кэт, я тут обнаружил, что у меня иммунитет к вакцине. Как я понял? Да всё просто! Я уснул, и наверняка давал храпу каждый раз, когда мы с тобой напивались. Кофеин и эндорфины творят чудеса, а когда ты один из первых получаешь вакцину и пытаешься извлечь из неё максимальную выгоду, то можешь не заметить, как пролетает целая неделя. Но ведь и правда, я не чувствовал ни усталости, ни потребности во сне, вряд ли одним самовнушением можно достичь такого результата, тут нужна сильная мотивация».

Кстати, забавный факт: я узнал о своём иммунитете к препарату в тот день, когда руководство компании объявило об обязательной вакцинации сотрудников N-corp. В тот же вечер я впервые за семь дней уснул. Трезвый. Может быть, поэтому и уснул. А теперь, спустя месяц кропотливой работы над статьёй с помощью профессора Кана, я знаю больше, чем кто бы то ни

был, об этой вакцине. Но не могу поделиться с самым близким мне человеком, просто потому что рискую потерять всё.

— Я сегодня сам не свой, ты не сердишься на меня? — сказал я, прервав тишину.

— Да всё хорошо, бывает. Сегодня отличный день, чтобы помолчать. Смотри, как красиво, — сказала она и показала пальцем на закат.

Малиновое небо растекалось вдоль набережной, и мы тихонечко брели по сухому асфальту, так и не проронив ни слова.

Глава 5

Какое-то время я не находил себе места, чувствовал себя лишним. Порой казалось, что все знают мою страшную тайну и что мне нет места в N-согр. Я часто оставался у себя в кабинете, просматривая почту, параллельно штудирюя исследования профессора Кана, и при случае задавал ему вопросы от якобы недовольных пациентов. Мне удалось всех убедить, что для компании будут полезны анонимные отзывы о препарате: так мы сможем заранее знать о проблемах, которые могут возникнуть из-за всё большего числа людей, присоединившихся к проекту «Пробуждение». Я заверил совет, что вся информация будет тщательно фильтроваться, и только хорошие отзывы — публиковаться на нашем сайте. Таким образом, я смогу лучше разузнать о действии препарата и понять, есть ли ещё люди с иммунитетом к инъекции. Благодаря таким махинациям я свободно мог общаться с профессором о неэффективности вакцины, не вызывая подозрений к себе.

Мне удалось выяснить, что на этапах разработки была теория о возможной проблеме с людьми, которые проявляли больше сочувствия к окружающим. Из-за того, что участок мозга, связанный с эмпатией, расположен на одном уровне с тем, что отвечает за сон, преобладание одного над другим не давало стабильного результата. Дело в том, что препарат блокирует место контакта двух клеток, где нейромедиаторы не могут пропустить электрический импульс, но ему всё же удавалось проскакивать время от времени при определённом анатомическом строении мозга. Во всяком случае, разобраться во всех этих научных исследованиях, пусть и с помощью профессора, — задача не из простых. Но суть я смог уловить, хоть и для меня все эти нейронные связи и граничащие между собой участки мозга, от которых зависит, как проходит электрический импульс, звучат как слова из мира, в котором я самозванец, и, по большому счёту, ничего не значат.

Но вот соломинка, за которую я крепко зацепился. Чувство вины и сострадание — это действительно то, что отличало меня от других людей. Ещё ребёнком я не мог спокойно смотреть на подростков, которые палкой прогоняли собаку со двора ради забавы. Просто потому, что могут себе это позволить и продемонстрировать силу. А я просто наблюдал, не в состоянии набраться смелости, чтобы как-то им помешать, а потом часами прокручивал в голове варианты, представляя себя парнем, способным противостоять этим хулиганам. Я даже пытался убедить себя, что сострадание — это моё проклятие. Реагируя так на несправедливости мира, я только рою могилу неуверенности в себе.

Какое-то время мне удавалось натягивать маску безразличия, включался защитный барьер, и я уже ничего не боялся. Холодным и пронзающим взглядом я смотрел своим недоброжелателям в лицо, словно ничего не чувствуя — ни страха, ни неуверенности. Мир, в котором доброту принимают за слабость, мне не нравился. Но я научился приспосабливаться.

Мне и сейчас предстояло играть свою роль среди «пробуждённых», чтобы оставаться незамеченным. Сложнее всего было оправдывать своё отсутствие в ночные часы, ведь городне спит, в отличие от меня. Добрая половина отдела стала посвящать время активному отдыху: бассейны и лыжные курорты, прыжки с парашютом и сплавы на байдарках стали более доступны в нынешних реалиях. Но я никак не вписывался в такой режим, поэтому моим прикрытием должно было стать что-то духовное, нематериальное. Например, занятия йогой или медитацией могли послужить хорошей легендой, но в действительности времени на всякую ерунду у меня не было. Ведь из присутствующих на этом празднике жизни именно мне удалось вытащить короткую соломинку. Будто у меня не хватает одной руки, когда все остальные умело орудуют обеими, взбираясь на новые вершины.

Моим преимуществом была лишь занимаемая должность и открытый доступ к знаниям, которые предоставлялись мне отделом разработки, в частности профессором Каном. Не стоит

забывать и о том, что я получал информацию от всех анонимных отзывов о препарате и лично распоряжался сведениями, которые дойдут до научного отдела, а какие останутся только у меня. Проанализировав всё это, я пришёл к выводу, что занятия медитацией будут идеальным прикрытием для меня. Стоило лишь убедительно проработать легенду, изучить пару дыхательных практик и найти хорошего сомнолога. С последним проблем возникнуть не могло, так как после проекта «Пробуждение» врачи, занимающиеся профилактикой нарушений сна, стали менее востребованы, или, скорее, остались эхом прошлого. Поэтому на моё анонимное объявление о поиске врача для исследований откликнулось немало хороших специалистов. Благодаря такой подготовке до сих пор мне удаётся оставаться нераскрытым. Тяжелее всего было с Кэт, но и эта проблема со временем решилась сама собой.

Глава 6

Кто бы мог подумать, что со временем сон признают ошибкой эволюции. Но не все были согласны с этим заявлением, и я в их числе. Однако не буду отрицать тот факт, что благодаря этой чудо-вакцине наступил технологический прогресс. Появился промышленный способ получения топлива из атмосферного углекислого газа и водорода, разлагаемого с помощью недорогого катализатора, — теперь авиаперелёты стали доступны каждому. К тому же, город не спит, и актуальность сферы развлечений выросла в несколько раз. Открываются новые площадки для отдыха, работающие без выходных.

Но не стоит забывать и о последствиях этого безудержного веселья. Стражи порядка вынуждены применять новые методы усмирения буйных отдыхающих, ведь теперь за каждым дебоширом стоит целая толпа «этиловых воинов», отстаивающая свои права. Раньше подобные ситуации решались довольно быстро: показательное задержание, громкий заголовок в СМИ — и все видели, как работает правоохранительная система. Сейчас же всё было иначе: любой желающий высказывал своё мнение в личном блоге и находил поддержку, и аккуратно вывести из толпы и задержать без лишних хлопот уже не представлялось возможным. В ход шли шумовые гранаты и слезоточивый газ — по мнению властей, это самый безопасный способ остановить агрессию. Люди только начали дышать полной грудью со всеми этими безграничными возможностями, но власти своими порядками словно перекрывали кислород. В такой ситуации стоит обращать внимание на обе стороны медали и коллективно решать вопросы. Но, к сожалению, в современном обществе всё иначе.

Мы не сразу замечаем изменения в себе, даже если они становятся столь очевидными. Несмотря на мой иммунитет к вакцине, я всё же изменился — вместе с целым миром. Не было больше того самоуверенного парня, который не задумывался о последствиях и просто жил на максимум. Я стал более приземлённым, как будто до проекта «Пробуждение» вакцина была лишь у меня, а сейчас стала доступной всем, и я казался уже не столь ярким на фоне других. Но, по иронии судьбы, утратив это преимущество, я обрёл нечто большее. Я вернулся к корням, смог раскопать в себе того мальчика, наполненного сочувствием к этому несправедливому миру. Я по-прежнему скрываю его от посторонних глаз, но для себя принял его всецело.

Помните о моём предложении руководству компании по получению анонимных отзывов? Так вот, изначально я использовал их в своих целях, и большинство из них не покидало моего рабочего стола. Но среди всех писем нашлось одно, которое я не мог не представить руководству. Мне показалось оно довольно тревожным и, более того, объединяло несколько несуразных случаев, которые, если рассматривать отдельно, не были чем-то примечательным. Например, один мужчина писал, что летает по своей квартире, пока никто не видит; другой вечно падает вниз с лестницы, но приземляется целым и невредимым. Кто-то видит, как кот по ночам отгоняет тени на стенах, и всё в таком духе. Большинство из таких анонимных сообщений написаны словно одним и тем же человеком, жаждущим внимания N-corp. Некоторые обращения не соответствовали действительности, и сразу было понятно, что это пишет «спящий», выдающий себя за «пробуждённого». Но то письмо, о котором дальше пойдёт речь, я сразу же отправил профессору Кану, ведь он должен увидеть связь между ним и отчётами, отправленными мною ранее.

Мужчина писал, что стал замечать у себя провалы в памяти. Например, недавно приезжала дочь на выходные. Он устроил большую закупку продуктов, чтобы порадовать её вкусными блюдами. Они провели день вместе, а когда настала пора прощаться, было ощущение, будто время пролетело слишком быстро. Вроде бы обычное явление, с важным для тебя человеком всегда так, но наутро он обнаружил почти нетронутым стол, полный еды. После нескольких подобных случаев он решил установить в доме камеры видеонаблюдения, чтобы понять,

что происходит в моменты, которые не помнит. И вот тогда он впервые увидел себя со стороны: как обнимает воздух и вешает воображаемое пальто дочери на вешалку в коридоре. Причём для него всё это казалось реальным, он ощущал тактильные прикосновения и радость момента, но вскоре эта иллюзия рассеивалась, оставляя лишь пустоту. Скорее всего, он тосковал, что теперь реже видит дочь, которая давно завела свою семью. А мозг без сна не мог обработать эту информацию как раньше, и все эти переживания вырывались в реальность в виде галлюцинаций.

Он довольно подробно описывал свои наблюдения и пришёл к выводу, что сам того не замечая, входил в состояние, где видел нечто похожее на сновидения. Только вот проблема была в том, что он никак не мог понять, взаправду это или нет. Сон прорывался в реальность, или мозг некоторых людей сопротивлялся ещё какое-то время из-за вакцины. Это письмо так и не дошло до руководства. Его посчитали старческими бреднями, и со временем компания совсем отказалась от анонимных отзывов. И видит Бог, я пытался как-то донести до научного отдела информацию о проблемах с вакциной, но даже профессор Кан не воспринимал мои опасения всерьёз.

В течение года палитра событий менялась как в калейдоскопе, но среди ярких моментов всё чаще стали появляться, так называемые, чёрные полосы. Из-за наплыва людей, ведущих свои блоги, и развития онлайн-контента в целом, стало очень много ненужных мыслей в открытом доступе. Каждый высказывал своё мнение, и новостная лента превращалась в бессвязный поток слов. Поэтому было принято решение о некоей цензуре на выражение мысли. Допускались лишь публикации с какой-то конкретной информацией, исключая личное мнение. Люди разделились на два лагеря. Одни были против, ведь не так давно стали зарабатывать хорошие деньги, просто публикуя что-то в соцсетях, а из-за больших охватов эта новость попадала в ленту рекомендаций. Одна из сотен, но попадала. Другие поддерживали идею с цензурой мыслей, так как действительно полезной информации становилось всё меньше. Чем больше мнений, тем сложнее контролировать ситуацию. Наверняка таким мышлением руководствовались власти, приняв решение о цензуре. Откровенно говоря, я был в бешенстве от таких заявлений, и если бы не Кэт, наверняка сделал бы какую-нибудь глупость, но вместо этого мы предпочли отправиться вместе в небольшое путешествие.

Она предложила мне съездить на открытие базы отдыха, где организация вечеринки возлагалась на её плечи. Это были одни из лучших выходных за всё время. Всё-таки, как же вам всем хорошо живётся с дополнительными часами в сутках! Хотя на ночные рейвы я не оставался, ведь мне нужно было время на свои «медитации», а хорошо выспавшись, я возвращался к Кэт, и мы вместе посещали спа-салоны, плавали в бассейне и просто проводили время наедине. Мы смаковали эти моменты, как будто понимали, что наше время вышло и дальше каждый пойдёт своей дорогой, но то, что было между нами сейчас, казалось верхней точкой соприкосновения души и тела. И это тут же отражалось в зеркале: её слегка взъерошенные волосы закрывали часть лица, но всё же я мог разглядеть, как она пытается сдержаться и не издать этот её искренний и немного хрипящий стон. Я крепко ухватился за её зад и начал наращивать темп, капли пота стекали с моего лба, растекаясь по изгибам молодого тела. Уже не в силах сдерживаться, она начала кричать, вцепляясь ногтями в мятую простынь. Я не боялся осуждения отдыхающих людей за стеной, но всё же прикрыл её губы ладонью. Этим я только её раззадорил, ведь она стала так горячо дышать мне в руку, и приглушённые звуки становились всё ярче. Стало понятно, что она дошла до финала, и я вновь уставился на неё в зеркало, но в этот раз она смотрела мне прямо в глаза, поглощая фаланги пальцев, медленно проталкивая их до самой глотки. Следом за ней кончил и я, повалившись набок, как подстреленный гарпуном кит, медленно погружаясь в океан блаженства. Мы лежали, держась за руки, и разговаривали о всякой ерунде. Я помню, как она улыбалась, оголив зубы, такая открытая и беззаботная, ещё не погрязшая в пучину своей успешной карьеры в будущем. Я не думаю, что вакцина могла

так сильно повлиять на неё; скорее, мир изменился, и она старалась двигаться в таком темпе, который смогла осилить лишь, переступив через себя. Может быть, я больше не поспеваю за ней, и, глядя на её достижения, я видел не только успех, но и пройденный ею путь по головам таких же амбициозных людей.

После наших совместных выходных мы общались лишь пару раз за ужином в кафе, обсуждали «цензуру мысли». Наверное, впервые наши мнения так разошлись, и она пыталась убедить меня в том, что я отношусь предвзято к этой цензуре, так как сам являюсь своего рода представителем мнения, которое публикую от имени N-corp. Меня же беспокоило то, что это всего лишь начало, и в будущем всё может пойти гораздо дальше. Один из крупнейших издательских домов опубликовал прощальный пост, ведь они отказались от цензуры и скорее прекратят свою деятельность, чем прогнутся под новые ограничения. Издательство считает, что под угрозой может оказаться вся художественная литература, и мы потеряем эту связь с философами прошлого. Наши мысли — это то, чем действительно нужно делиться, ведь как можно составить объективное мнение, не учитывая разные взгляды? Мы переживаем эмоции, читая тексты прошлого века, радуемся историям, которые были прожиты сотни лет назад. Мы находим душевный отклик, преодолевая пространство и время. Мысли, отображённые в письме, останутся навсегда, и в будущем нужный человек, прочитав, найдёт утешение. В любой момент я могу пообщаться с величайшими мыслителями истории, увидеть мир их глазами и попытаться понять то, что они хотели до нас донести. Не слишком ли высока цена прогресса? Мы можем потерять нечто более важное, чем все богатства этого мира, — мы можем потерять смысл жизни. Умение передать свою мысль бесценно, и пока мы обладаем такой возможностью, мы свободны.

Кэт же посчитала, что издательский дом попросту трусил, не стал бороться и своим заявлением только нажил себе серьёзного врага. Открыто идти против закона — довольно глупое решение для таких образованных людей. Казалось, я уже видел, как в ней зарождается эта новая личность с твёрдым характером и амбициями. Спустя пару лет она соберёт свою команду, которая займёт своё почётное место в мире развлечений. Не знаю, счастлива ли она по-настоящему, и важно ли ей это сейчас вообще. Но с уверенностью могу сказать, что той заботливой и вечно смеющейся девчонки больше нет, на замену ей пришла довольно-таки серьёзная и статная мадемуазель. После ужина мы вышли из кафе, и я посадил её в такси, а сам пошёл пешком. Она проводила меня взглядом сквозь лобовое стекло, а я в ответ слегка улыбнулся, ещё не зная, что много лет не увижу её глаз.

Глава 7

Спустя три года я всё так же занимал должность главы PR-отдела N-corp. И если раньше я боялся её потерять, то сейчас я почти каждый день задумывался о том, чтобы покинуть свой пост. Впрочем, я и так спихнул всю работу на ассистентов, а сам лишь изредка контролировал процесс. У меня уже не было причин оставаться здесь, да и финансовый вопрос давно был решён. Корпорация с государственным спонсированием обладала таким влиянием на общество, что говорить о ней вслух было чем-то опасным. Работая в тандеме, сначала они запретили высказывать своё мнение в сети, потом началась дискриминация «спящих», сейчас же любая критика в сторону корпорации расценивалась как критика власти. Страх настолько овладел людьми, что о проблемах с вакциной не говорили даже пострадавшие.

Пусть на бумаге всё выглядело хорошо, но на деле так плохо, как сейчас, никогда не бывало. Ведь руководство видит отчёты, где указано лишь три процента жалоб на препарат. Сотрудники, собирающие данные, намеренно умалчивают ещё о каком-то проценте людей с побочными эффектами. Да что уж там говорить о статистике, они не вносят в отчёт даже свои нежелательные реакции, вызванные вакциной. Боятся показаться бракованными, ведь такой ярлык навесит общество на недовольных.

Если посмотреть на весь этот цирк со стороны, сразу же вспоминается эксперимент с детьми, которых спрашивали: «Какого цвета карточку вы видите?» И если все говорили «красная», а она была «синяя», то следующие повторяли ответ предыдущих, хоть и видели совсем другой цвет. Ситуация аналогичная: люди намеренно скрывали правду, чтобы не вызывать подозрений к себе. Но что бывает в детском саду, когда ребёнок боится признаться матери, что заболел, — всю группу закрывают на карантин.

Меня поражает многогранность страха, ведь каждый найдёт свою причину скрывать правду. Допустим, вы один из тех, кто обнаружил после вакцины галлюцинации или внезапные вспышки агрессии. Дальнейшие варианты развития событий: пытаетесь попасть к доктору по страховке. Если вас не скрутили ещё на входе за критику компании, то далее попадаете в офис, ваше дело заносят в лист ожидания, и только потом — приём.

Плюсы: вы беспокоитесь за свою судьбу и узнаете частичную правду о состоянии здоровья. Минусы: вас признают человеком «неполноценно пробуждённым». В лучшем случае — бракованным, в худшем — человеком с иммунитетом к препарату или «спящим». Обычно признают первый вариант, так как у вас остаётся возможность работать официально, но занять руководящую должность уже не будет возможным.

Если судить по публичной информации, то людей с иммунитетом не было обнаружено, но по неофициальным данным такие всё же встречались, но их относили к людям, отказавшимся от вакцинации (то есть «спящим»). В любом случае, те, кому пришлось проходить обследование, предавались огласке и в дальнейшем (не намеренно) подвергались травле со стороны «пробуждённых». Отсюда все и предпочитали молчать или же убеждать себя, что с ними всё в порядке.

Так что опираться на статистику было глупо, и реальной картины не видел никто. Но больше всего меня удивляло то, что мы сами загнали себя в такое положение. Я никак не мог с этим смириться, видеть, как разваливается общество, и вместо того, чтобы бороться за свои права, мы просто наблюдали, как всё рушится. Может быть, лишь я мог трезво оценить ситуацию, ведь мой организм не претерпел никаких изменений, в отличие от «пробуждённых». Мозг вакцинированных всё же работал как на износ, хоть они и не уставали физически, но нервная система временами давала сбой. Люди стали более агрессивными, вспыльчивыми. Всё чаще словесные перепалки перерастали в рукоприкладство, а блюстители закона до последнего не

вмешивались. Если драка меняла свой статус на массовые беспорядки, вот тогда они разгоняли бушующих слезоточивым газом.

У ночного города было лишь два режима, сопровождающиеся шумом веселья и насилия. И попробуй определи, какой из них был сейчас. Иной раз было не понять: это дым-машина с вечеринки или слезоточивая шашка. В обоих случаях из сероватого облака выходила толпа людей.

И никогда не знаешь, каким сегодня будет день, ведь даже тот, внезапно взбесившийся на продавца мужичок, всегда был примером для подражания своим коллегам. Но в какой-то момент свистит фляга, и он набрасывается на молодого парня, который медленно отсчитывал ему сдачу. Никто ведь не знает, в чём проблема: может, мужичок в этот момент увидел в нём старого врага в виде галлюцинации, или просто сдали нервы. Почти все, пойманные с поличным, предпочитают говорить, что почувствовали внезапную злость, ведь так удобнее объяснить своё поведение. Признать себя сумасшедшим осмеливались лишь единицы, и то скорее они опасались за своих близких, которые могут попасть под горячую руку. В моменты, когда сон прорывался в реальность, они не контролировали происходящее и не понимали, что с ними сейчас это происходит. Более того, даже в толпе людей сложно было определить этот приступ, так как, даже сообщив о подозрительном человеке, можно навлечь на себя беду. Вдруг именно у тебя галлюцинация, и придётся доказывать обратное в не самой приятной обстановке. За клевету тоже приходилось нести ответственность. В этом и была вся прелесть запуганного общества: проявлять какую-либо инициативу было опасно. Каждый думал лишь о том, как бы прикрыть свою шкуру и не привлечь к себе лишнего внимания.

Единственным лучом света во всей этой крошечной тьме оставалась загадочная организация «101». Возможно, это всего лишь один человек, во что верится с трудом, ведь в одиночку проделать такую работу практически нереально. Так вот, о чём, собственно, речь: пока власти контролировали социальные сети и ввели цензуру мысли, на просторах интернета появился запрещённый пост, который никто не в силах был удалить. Запрещённым он был потому, что в нём высказывалось личное мнение пользователя с никнеймом «101». Он не пытался призвать общество к каким-то действиям и даже не стал высмеивать откровенно слабый государственный файрвол, а лишь высказал своё мнение о ситуации в целом и поделился ссылкой на платформу, где можно свободно говорить, оставаясь анонимным. Отследить местоположение отправленных сообщений было невозможно даже создателю домена, другими словами, никто и никогда не сможет узнать личность пользователя. Интересное решение, я думаю, таким способом он смог бы обезопасить себя в случае раскрытия его личности или же сделал это из здравых побуждений, чтобы быть наравне со всеми. В любом случае, обладая такими возможностями и не оставив лазейку в системе безопасности, — было справедливо, как-то по-человечески. А может быть, это какой-то злой гений, который намеренно ввёл всех в заблуждение и в любой момент может рассекретить все сообщения пользователей. Но мне хотелось верить в лучшее, как и всем в такое непростое время. Странно, что тот сайт всё же не стал пользоваться популярностью, наверняка только потому, что его создатель смог исключить варианты наживы. Автор текста не получал никаких выплат или оценок, отсюда многим это было неинтересно. Но тем же лучше, ведь всё равно оставался очень полезный инструмент в наше время, пусть и использовался он немногими. Я был более чем уверен, что большинство пользователей здесь были заинтересованы в дальнейшей судьбе этого прогнивающего мира, и скорее всего, на платформе полно «спящих», но это никого не смущало.

Во всяком случае, только благодаря этой платформе в дальнейшем я смог найти выход из сложной ситуации. Меня сразу удивила интуитивность интерфейса и отличный алгоритм поиска. Но сейчас, оглядываясь назад, я понимал, что это не простой алгоритм — это приглашение. Кто-то очень умный мог дать нужную информацию, и это заставляло меня оставаться здесь.

Если спросить меня, с какого момента всё пошло не так? Вы, наверное, думаете, что я ответил бы, что с момента появления вакцины или первых вспышек агрессии, но нет. Как бы вакцина ни повлияла на общество в конечном итоге, намерения были благими, и, по большому счёту, во всём винить нужно людей, которые это допустили. Вакцина лишь дала возможность изменить свою жизнь; никто же не просил вас становиться настолько жадными до денег и всё время тратить на заработки, забывая о друзьях, семье и времени, которого теперь вполне достаточно. Я знаю многих "пробуждённых", которые грамотно разделяли отдых с семьёй и карьеру. Возможно, у кого-то из них и бывают побочные эффекты препарата, но, во всяком случае, вреда близким они не причиняют.

И если составлять примерную статистику, то до дня, который изменил всё, было 80% «пробуждённых», из них проблемных всего лишь 20%. Но теперь ситуация изменилась с точностью до наоборот. Всё благодаря трагедии, которая произошла у главного здания N-corp. Новость в СМИ разошлась настолько быстро, что, ещё не успев оправиться после взрыва, я видел кричащие заголовки из каждого новостного паблика в социальных сетях. Почему-то все как один стали обвинять «спящих» в организации подрыва. Я всё понимаю, но ведь серьёзные мотивы и ненависть к корпорации были не только у них. Если рассуждать логически, притянуть можно было кого угодно, ведь врагов у компании было достаточно.

Также была теория, которая сильно распространилась на анонимном форуме: будто бы взрыв устроили власти, чтобы объединить народ общей ненавистью к «спящим». Ну, если действительно верить в это — можно смело идти писать завещание, тем более что после тех событий началась настоящая охота на «спящих». Лично у меня были сомнения, ведь официальная версия считается той, которую публикуют в СМИ, но разные издания показывали свою правду. Мнения хоть и разделились, но большинство говорили об организации, которой управлял бывший военный, более двадцати лет прослуживший в горячих точках. У него в подчинении было около трёхсот солдат, которые отказались от проекта «Пробуждение». Полковник Салован пока что был главным подозреваемым в этом деле. Якобы все ниточки вели к нему, и он один из немногих, кто открыто проявлял недовольство к нынешнему обществу. Только проблема в том, что я ни разу не слышал ни малейшего упоминания о Саловане и его ненависти к вакцине, а я уже который год слежу за исследованиями и обладаю самыми достоверными сведениями. Терабайтов данных, хранящихся на моём жёстком диске, хватит, чтобы уличить в халатности самую успешную корпорацию в мире, только вот ни один ныне живущий и находящийся в здравом уме адвокат ни за что не станет вести это дело. Да и я вряд ли бы прожил счастливую и беззаботную жизнь.

Вечерний выпуск новостей: «Появились новые детали в деле о подрыве на парковке главного здания N-corp. Сегодня утром серый Ford-минивэн был замечен дорожными камерами при въезде на парковку для сотрудников главного офиса N-corp. Преодолев блокпост, машина направилась к главному входу. Охрана начала вести огонь по колёсам, но минивэн всё же докатился до парадных дверей и взорвался в вестибюле здания. В результате теракта погибли четыре человека, ещё двое ранены. Личность водителя пока не установлена. Криминалисты, осматривая место преступления, обнаружили смазанный отпечаток пальца и следы ДНК. От взрыва первые два этажа были частично разрушены. Сотрудники компании были успешно выведены из здания и отправлены к своим семьям и в ближайшие медицинские учреждения. Также удалось выяснить, что серый минивэн Ford был зарегистрирован на дочернюю компанию полковника Салована и его сообщников. Если у вас есть какая-либо информация о его местоположении, немедленно сообщите на нашу горячую линию».

В тот день я впервые почувствовал реальную угрозу для жизни. Хоть мой отдел и находится на девятнадцатом этаже, вибрация прошла по всему зданию. Организованно спускаясь по пожарной лестнице, мы не видели ничего, кроме мигания аварийных ламп и испуганных лиц сотрудников. На выходе стояли кареты скорой помощи и полицейские, и они объявляли в

громкоговоритель о запрете на видеосъёмку. Я сразу же обратил внимание на огромный лист брезента, которым они закрыли обзор на парковку. Телефон разрывался от уведомлений, я мельком успел взглянуть на новостную ленту, где все заголовки кричали о подрыве N-corp.

Только добравшись до дома, я смог переварить произошедшее. Уже тогда я понимал, что это только начало. Кто бы это ни сделал, он будет пробовать это вновь и вновь. Как же в тот момент меня переполняла ненависть! Я подумал о людях, которые пострадали, и тех, кто мог пострадать. Погибнуть за чьи-то идеалы или убеждения таким страшным способом — меня аж затрясло от злости. Весь вечер я читал новости из разных источников, и просто хотелось выколоть себе глаза от ереси, которую приходилось видеть в комментариях. Люди призывали выходить на улицы в поисках «спящих», просили делиться любой информацией о не вакцинированных людях, будто искали козла отпущения и хотели устроить самосуд. Не зная какой-либо достоверной информации о происшествии, они просто вышли на улицы города и крушили всё вокруг. В этот момент я не боялся за себя, ведь умело скрывался среди «пробуждённых» уже больше трёх лет. Мне было страшно за тех людей, которые возвращаются домой с работы, за молодых девушек, напуганных и прячущихся за прилавками в торговых центрах.

Пока основные спецслужбы заняты последствиями взрыва, одичалые искатели справедливости пользовались моментом и устраивали погром. За окном стоял гул сирен, весь город мерцал аварийными сигналами. Вот именно с этого момента всякие моральные принципы утратили своё существование. Вместе с верой в человечность на дно пошли и вековые устои о мирном и процветающем обществе. Во всех этих беспорядках погиб девятилетний мальчик, который с ужасом в глазах бежал вместе с мамой от надвигающейся толпы. В другой части города пожар в доме забрал девять жизней. Не знаю, какая смерть страшнее: быть затоптанным толпой или сожжённым заживо. В любом случае, не пожелаешь и врагу такой участи. В тот день мы потеряли 74 жизни, и все они были на руках человека, устроившего этот хаос. Пусть и не самолично, но всё же именно из-за его действий последовала такая бурная реакция. На протяжении сорока восьми часов в больницы поступали пострадавшие от беспорядков, все улицы были перекрыты силовиками, а по телевизору на всех каналах — лишь экстренные новости. Все эти события в сети будут называть «судным днём». Вот с этого дня всё и полетело к чёртовой матери.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.